

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк сорок первый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ГАТЧИНСКАЯ СЕМЬЯ СОВАЖ

**Елизавета Ивановна Соваж
(1833 – 1916)**

В Гатчине жили представители трёх поколений этой семьи. Елизавета Ивановна принадлежала к первому. Она была женой Ивана Алексеевича Соважа (1823 – 1878), генерал-майора, когда-то служившего управляющим Нижнетурина, Серебрянского и Суксунских заводов на Урале. Там же служил его брат, Пётр Алексеевич Соваж (1824 – после 1887), чиновник Уральского горного правления, основатель пароходной компании «Соваж и Мионов» на Каме.

В 1893 – 1897 годах Елизавета Ивановна и её сын Алексей нанимали квартиру в доме на Николаевской (Урицкого) улице, 22 (дом Стремоухова; не сохранился). В 1897 году Елизавета переехала на Николаевскую, 37. Этот дом, где тогда жил её младший сын Сергей, стоял на другой стороне улицы, почти напротив дома № 22. Вероятно, в это время дом № 37 стал принадлежать Соважам, как и соседний с ним дом № 39.

С 1903 года Елизавета Ивановна проживала в Петербурге вместе с сыновьями: сначала с Алексеем, а после его смерти – с Евгением.

**Алексей Иванович Соваж
(1870 – 1913)**

Старший сын Елизаветы Ивановны и Ивана Алексеевича Соваж. Об Алексее известно немного. В первой половине 1880-х годов он проживал в Вологде. Там, в 1883 году, одно из первых телефонных соединений было установлено между квартирой Алексея Ивановича Соважа и домом помещика Лихарева. С разрешения министра внутренних дел Соважу тогда предложили выбрать способ прокладки проводов: либо по специально поставленным столбам, либо по крышам домов. Алексей выбрал второй вариант. Более двух лет Соваж пользовался этой линией протяжённостью около 200 метров.

В 1895 году Алексей имел чин коллежского секретаря и жил вместе с матерью в Гатчине, на Николаевской, 22. В 1897 году Елизавета Ивановна переехала к младшему сыну Сергею в дом № 37, а Алексей Иванович уехал в Петербург. Там он служил в Собственной Его Величества канцелярии; имел чин коллежского асессора, был членом Общества защиты детей от жестокого

обращения. В 1903 году к Алексею в Петербург переселилась Елизавета Ивановна. В 1913 году Алексей скончался, и Елизавета Ивановна перебралась к среднему сыну Евгению, в это время тоже жившему в Петербурге.

О жене Алексея сведений не найдено. Сын Алексея, Владимир Алексеевич Соваж (1890 – 1937), в 1937 году учительствовал в селе Лукино, Тамбовской области; был расстрелян. Его сын, Кирилл Владимирович Соваж (1917 – 1942), погиб на фронте в Великую отечественную войну.

Евгений Иванович Соваж (1872 – 1919)

С 1897 года в Гатчине, на Багговутовской, 50 жил средний сын Елизаветы Ивановны, Евгений Иванович Соваж, штабс-ротмистр Кирасирского полка. Евгений владел поместьем в Кологриве. В 1903 году он вышел в запас и вскоре переселился в дом Соважей на Николаевской, 37 в Гатчине. Службу продолжил по Министерству путей сообщения, в Управлении заведующего передвижением войск по железнодорожным и водным путям Петербургско-Двинского района. С 1910 года проживал вместе с семьёй в Петербурге. Погиб в 1918 году, будучи в чине ротмистра.

Женой Евгения Соважа была Ольга Константиновна Комарова (1875 – после 1936) из знаменитого русского рода Комаровых. Её отцом был Константин Виссарионович Комаров (1832 – 1912), генерал от инфантерии. Получив высшее музыкальное образование, Ольга выступала с концертами (в т. ч. в Консерватории), играя на пианино. Организовала вокально-музыкальные курсы при учреждённом ею литературно-музыкальном кружке «Искорка» в Петербурге. С 1899 года была в разводе с мужем. Давала уроки пения.

В семье было две дочери. Нина Евгеньевна Соваж (1895 – после 1936) окончила гимназию. В советское время служила в Военстрое при 7-й армии, в театре, в НИИ по охране памятников, в архивах, в НИИ гидротехники. Её младшая сестра, Елизавета Евгеньевна Соваж (1897 – после 1936), была пианисткой. Работала в Ленинградской консерватории и музыкальным руководителем в детских садах и клинике. В 1936 году страдала саркомой бедра.

1 апреля 1935 года Ольга Соваж и её дочери высланы на 5 лет из Ленинграда в Уфу, как социально-опасные элементы. Только вмешательство руководителя Политического Красного Креста Е. П. Пешковой, к которой обратилась за помощью Ольга Соваж, помогло матери и детям вернуть паспорта и вернуться в Ленинград.

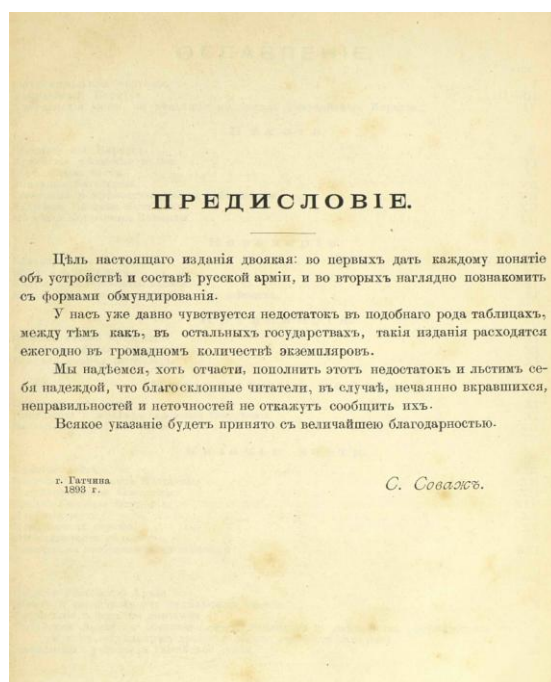
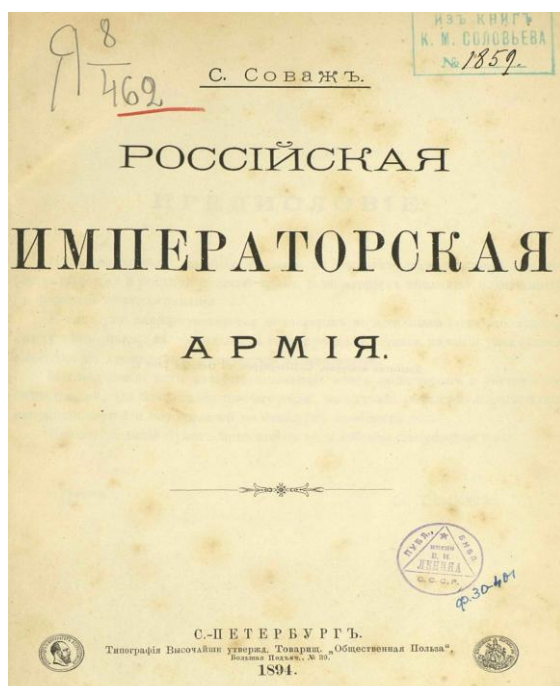
Сергей Иванович Соваж (1875 – 1916)

Младший сын Ивана Алексеевича и Елизаветы Ивановны Соваж. В Гатчине жил на улице Николаевской в 1894 – 1906 годах. Позднее проживал вместе с женой и детьми в Петербурге.

Сергей окончил Александровский лицей в Петербурге. Но чиновником не стал, а выбрал военную службу, т. к. давно мечтал стать военным.

В 1894 году Сергей издал в Петербурге свою книгу «Российская Императорская армия». Книга была написана в Гатчине ещё в 1893 году. А 22 мая 1895 года Соваж вступил вольноопределяющимся в Кирасирский полк в Гатчине. Ещё через год – выдержал офицерский экзамен в Николаевском кавалерийском училище и был произведён в корнеты. Далее Сергей Соваж окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Полк в Гатчине

пришлось оставить и из кавалерии уйти. В 1902 – 1904 годах штабс-ротмистр Соваж командовал ротой в лейб-гвардии Егерском полку.



Следующие восемь лет Сергей Соваж провёл в стенах Главного штаба, пройдя за это время путь от обер-офицера для поручений до адъютанта штаба войск Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В декабре 1911 года Соваж получил чин полковника.

С началом Германской войны, Соваж прошёл курс обучения на лётчика-наблюдателя. Но лётчиком не стал. Обстоятельства временно заставили его принять командование над 145-м пехотным Новочеркасским Императора Александра III полком.

В конце 1914 года Соваж стал начальником штаба 37-й пехотной дивизии, но продолжал числиться в Новочеркасском полку, входящим в состав 1-й бригады дивизии. Именно с действиями Новочеркасского полка было связано награждение Соважа высшими воинскими отличиями: Георгиевским оружием и орденом св. Георгия 4 степени. В приказе о награждении записано:

«За то, что в боях 25-го, 26-го и 27-го мая 1915 года в районе деревень Луковец и Новоселица, командуя боевым участком, блестящими действиями своего полка обеспечивал расположение всего отряда. Вечером 25-го мая, будучи обойдён противником с обоих флангов, находясь всё время под огнём, лично с полным мужеством повёл последний батальон своего полка в атаку, остановил наступление противника и утвердился на позиции. 26-го – 27-го мая вновь перешёл в наступление, чем содействовал полному поражению противника».

22 августа 1915 года Соваж был назначен командиром лейб-гвардии Семёновского полка, а в начале 1916 года был произведён в генерал-майоры. Дальнейшей карьере Соважа помешала нелепая, трагическая случайность.

О Сергее Соваже написал его однополчанин по Семёновскому полку Ю.В. Макаров в книге воспоминаний «Моя служба в старой гвардии». Книга издана в Буэнос-Айресе в 1951 году.

«После Г.И. Лескинена в командование нашим полком вступил генерал-майор Сергей Иванович Соваж. Карьера его была такая: в девятых годах он кончил Александровский (Пушкинский) лицей, выдержал офицерский экзамен и поступил корнетом в «Кирасиры Её Величества» (синие). Потом Академия Генерального штаба и Японская война. Затем какая-то штабная должность при штабе войск Петербургского Военного Округа. Помню в этом качестве, в форме подполковника Генерального штаба, он приезжал раз в наше собрание, сопровождая какую-то депутацию иностранных офицеров, кажется французов. Соваж прекрасно знал три иностранных языка и им постоянно пользовались для такого рода поручений. Стоя около нашего высокого закусочного стола и наливая водку французским капитанам, мог ли он думать, что в следующий раз в это собрание он войдёт нашим командиром, но войдёт лишь один раз.

Что делал С.И. на германской войне, мне в точности неизвестно. Знаю только, что с самого начала войны он пошёл в строй, работал лётчиком-наблюдателем, а затем с большим блеском командовал одним из знаменитых армейских полков, не то Апшеронским, не то Лейб-Бородинским. Свои связи с кавалерией он порвал ещё в Академии, решив идти по пехоте. ..

В середине октября, наш добрейший и тишайший, но совершенно не строевой и не боевой, командир батальона Н-ов, который в довершение своих военных недостатков ещё панически боялся начальства, созывает нас, четырёх ротных командиров и 5-го начальника команды и с взволнованным видом сообщает нам, что «к нам едет ревизор». Новый командир полка генерал Соваж, который вчера приехал с фронта на три дня повидаться с женой и с утра произведёт смотр Запасному Батальону.

– Не беспокойтесь, Павел Иванович, — говорим ему — всё будет хорошо... Люди у нас здоровые... едят так, как не ели и в мирное время... одеты тоже прилично, а если в казармах, которые рассчитаны на две тысячи, помещается восемь, то тут идеального порядка и чистоты всё равно добиться нельзя. Соваж умный человек и сам это увидит...

Успокоив «Павлю», мы все разошлись по своим помещениям готовиться к завтрашнему смотру. В 10 часов утра вся моя Команда была построена в этажах. Я и все мои офицеры стояли на правом фланге 1-ой роты, в нижнем этаже. Состав у нас тогда был ещё очень хороший. Люди отдохнувшие, отъевшиеся и от войны ещё не усталые. Вся первая шеренга или Георгиевские кавалеры, или медалисты. У многих кресты двух степеней. Очень много нашивочных. Представлять такую команду новому командиру было одно удовольствие.

Не в пример старым порядкам, когда высокого начальства зачастую приходилось ждать по часу и больше, ровно в 10 часов и 10 минут дневальный у входной двери подал условный знак. Затем слышим громкое и веселое: «Здравия желаю, Ваше Притство!» Отворяется дверь и на фоне почтительно дающих дорогу рыхлого Н-ва и адъютанта с университетским значком, показывается новый командир. Совершенно так же, как генерал, представлявший свой полк Кутузову в Браунау, «голосом радостным для себя, строгим по отношению к подчиненным и приветливым в отношении к подходящему начальнику», кричу: «Команда сми-рно, равнение направо, г-да офицеры!»

Пока ем генерала глазами, успеваю осмотреть его с головы до ног. Молодой человек лет сорока. Роста определённо маленького. Плотный блондин с голубыми глазами и с небольшими растрёпанными усами. На боку Георгиевское «золотое оружие», а на груди колодка орденов, внушающая уважение: белый Георгий, малиновый «Владимир с мечами», и там дальше всё, что полагается, Анна, Станислав и две, три медали, одна из них за Японскую войну. На шее белый крест, похожий на нашего Георгия, но другой формы. При

ближайшем рассмотрении оказалось: английский крест Михаила и Георгия, тоже за военные заслуги.



Поздоровавшись за руку с офицерами, Соваж вышел на середину и металлическим баритоном бодро крикнул: «Здравствуйте молодцы, запасные Семёновцы!»

– Здравия желаем, Ваше Приитство!

Духовный контакт между людьми, даже почти без слов, может установиться мгновенно. Достаточно было Соважу поздороваться и произнести несколько слов, как у нас, да думаю и у всех чинов, открылся какой-то невидимый, тайный приёмник. Все сразу так и почувствовали, вот это командир, это начальник, вот с этим не пропадёшь, вот это то, что нам нужно.

Соваж скомандовал: «Стоять вольно» и стал обходить. То, что на правом фланге на старых гвардейцев ему приходилось задирать голову, его нисколько

не смущало. Думаю, смутить его вообще было дело трудное. Хоть и без малейшего оттенка наглости, он был мужчина самоуверенный.

Во время обхода, который он производил медленно, со всеми Георгиевскими кавалерами и с нашивочными он успел сказать несколько слов. И сразу было видно, что это он не номер отбывает, а искренно хочет установить связь с людьми, которых скоро ему придётся вести в бои. И что ещё больше, что ему такие разговоры не в тягость, а в удовольствие. И тут я полюбовался, как некоторые люди умели разговаривать с подчинёнными. Никакого напускного фамильярничанья и никаких Суворовских «кукуреку». Многие играли и под Суворова, но мало у кого это хорошо выходило. А тут, подойдёт и спросит, а тот, кого спрашивают, безукоризненно стоя на вытяжку, с блестящими глазами, начинает рассказывать и не может остановиться. Разговоры шли главным образом о перенесённых боях. О всех боях, где полк участвовал, Соваж уже знал в подробностях. Обход и разговоры продолжались около часу.



Офицеры лейб-гвардии Семёновского полка

После обхода всем офицерам и начальствующим лицам Соваж велел уйти и начал «опрос претензий». Претензий не оказалось. Опять все стали на свои места. Я скомандовал: «Смирно!» и Соваж начал говорить:

– Вы знаете, – говорил он, – что в июльских и августовских боях, когда мы сдерживали немецкое наступление, наш полк очень пострадал. Полку нужны пополнения. Но других пополнений, чем из своих, мы по возможности брать не будем. Помните, вы наш резерв. Этим летом нам не хватало артиллерии. Теперь уже много месяцев, как вся наша великая страна работает на армию и к весне у нас будет всё. Этой весной начнем наступление и

союзники, и мы и тогда немцам будет крышка. В прошлом году австрийцев мы уже начисто разбили. Если бы не немецкая помощь, они тогда ещё просили бы мира. Теперь очередь за немцами. Коли хорошенько постараемся, поколотим и их. Этим летом будет окончательный перелом и в следующем 16-ом году войну мы кончим! Не так ли, братцы?...

Раздался гул голосов: – Так точно, Ваше Приитство... Надо кончать.

– Через три дня, – снова начал Соваж, – я возвращаюсь в полк. Если у кого есть письма, сдавайте их в батальонную канцелярию, я отвезу... И прощайте, братцы... Или лучше, до свидания, в родном полку! Помните, ваши товарищи вас ждут!

Раздалось громкое: – Счастливо оставаться, Ваше Приитство! – И, несмотря на бессмысленность слов, чувства были правильные.

Помещение Соваж осмотрел мельком. Главное внимание он обращал на людей. Покончив с чинами, он обратился к нам, офицерам, и сказал: «Я, господа, вижу, что размещены вы здесь неважно. Очень тесно... Это, конечно, не казарма мирного времени. Но это не самое главное. Главное, чтобы люди были здоровы. И не давайте им скучать. Производите занятия, читайте им, рассказывайте. Делайте так, чтобы они всё время были заняты. Кое-чему можно учиться и на улицах. В общем, духом и видом людей я доволен. И это, конечно, ваша заслуга. От имени полка благодарю вас. И до свидания в полку...». И крепко пожал нам всем руки.

Уже не помню сейчас, был ли завтрак в собрании. Если и был, то без вина и самый будничней. Отнюдь непохожий на былые командирские приёмы.

Соваж провёл в Запасном батальоне три дня. Бедная его жена и дети видели его мало. И видели его в последний раз.

Соваж вернулся в полк, когда он стоял под Сморгонью. После Сморгони нас убрали в резерв, к северу от Молодечно, где мы простояли до декабря. В конце декабря полк перебросили в состав армии юго-западного фронта, в район В. Галиции. Там мы опять стояли в резерве, до февраля 16-го года. Потом нас перевезли на Северный фронт, к северу от Двинска. Там мы стояли в резерве до весны. После этого в первых числах мая, походным порядком нас снова двинули на Молодечно.

За исключением последнего майского перехода, все эти семь месяцев, от октября до мая, мы или ездили по железным дорогам, или стояли по квартирам, главным образом по деревням. Из всех этих семи месяцев, Соваж не потерял, можно сказать, ни одного дня. Куда-нибудь приезжали, день размещались, на следующий день начинались занятия. Уже в ноябре месяце Запасный батальон стал посылать в полк маршевые роты и к марту состав был доведён до положенного числа 4.000 человек. Сразу же по приезде Соваж сформировал Учебную команду и поручил её молодому и толковому офицеру Лобачевскому, внуку или правнуку знаменитого математика. В ротах начались курсы стрельбы, причём особенное внимание было обращено на тонкую стрельбу, будущие «снайперы», хотя оптических прицелов нам тогда ещё не давали. Все пулемётчики прошли курс пулемётной стрельбы. Обращаться с пулемётом должны были уметь все офицеры и все унтер-офицеры. Для практики Соваж умудрился достать для полка несколько сот ручных гранат. Где только можно, он устраивал двухсторонние маневры с длинными и довольно утомительными переходами. Учились наступать скрыто, «змейками». По нескольку раз в неделю Соваж устраивал офицерские занятия, тактические и топографические. Всех офицеров он посадил на лошадей и даже иногда самолично «гонял смену». Самыми трудными и самыми интересными офицерскими занятиями были съёмки верхом. Каждый получал задачу на участке по фронту до 5, а в глубину до 10 верст. Требовалось уметь «поднять», т. е. пополнить карту,

иначе говоря из обыкновенной «двухверстки» сделать «четырёхверстку». Такие задачи в мирное время давались второкурсникам Военной Академии.

Несмотря на большую работу, которой он нагружал солдат и офицеров, сколько приходилось слышать, никто на Соважа не ворчал. Людям свойственно ворчать на монотонную, скучную, нудную работу. Соваж же молодой, живой человек и большой психолог, какую угодно работу умел делать занимательной и интересной. Скучать он не давал.

С солдатами он говорил постоянно, а когда разносил, употреблял особый тон, нарочито грубовато-ласковый, никогда по-настоящему не сердясь и скверных слов, отнюдь, не употреблял. Главным образом попадало начальствующим лицам, взводным и ниже, за несообразительность, шляпство и растяпство. Ругательный лексикон его был богатый и своеобразный: «чудовище морское», «дракон китайский», и, наконец, самое любимое «кашалот египетский», что уже не имело никакого лексического смысла, но цели своей отлично достигало, будя уснувшие мозги. Разнесённый таким образом начальствующий чин не знал, что ему собственно делать, обижаться или смеяться, но тут же решал, что командир его «мал да удал» и что с ним следует держать ухо востро.

С офицерами Соваж обращался как старший товарищ, каким он и был, но без всякой фамильярности. Почти всё время его командования полк располагался по квартирам и почти всегда по-батальонно. И очень часто вечером, после занятий, Соваж отправлялся в гости, то в один, то в другой батальон. Там ему давали чай, а если поблизости было Экономическое общество и можно было достать красного вина, варили «глюнтвейн». «Короткие напитки», т. е. водку и коньяк, Соваж тоже, разумеется, признавал, но потребление их не поощрял. Во время таких визитов в батальоны, он держал себя совершенно по-товарищески. Те из офицеров, которые умудрились сохраниться с начала похода – таких было уже немного – вспоминая Эттеровские времена, радовались, какого мы себе, наконец, заполучили командира. И действительно, перебери всю Российскую армию, трудно было найти лучше, а главное более к нам подходящего. Думали так, коли не убьют его летом, то под его командой будем мы драться хорошо, удачно и умно. Храбрых командиров было не занимать стать. Умных и знающих было мало.

И вот 8-го мая 1916 года, на лёгком 20-ти верстном переходе, по пути к Молодечно, произошёл случай трагичный и совершенно нелепый. Соваж держал двух верховых лошадей. Одна была молодая красавица, рыжая кровная кобыла, с тоненькими сухими ножками. Она была слишком резва и для похода не годилась. На ней Соваж ездил только для удовольствия. Для похода же была у него другая лошадь. Тоже красивый, но уже старый караковый конь, с мирной, плавной рысью и с широким спокойным шагом. Был у него только один недостаток. Был слаб на передние ноги. Звали его «Боярин».

Утром 8-го мая, перед выступлением, Соваж сел на Боярина, пропустил мимо себя полк, потом рысью обогнал его, встал в голову и в самом приятном расположении духа, под ещё нежаркими лучами весеннего солнца, и под пение жаворонков, с полковым адъютантом и с двумя ординарцами, двинулся вперёд по шоссе. Переход был небольшой и люди шли весело. Как всегда по шоссе шли в ногу и как всегда, то в одной, то в другой роте распевали песни.

На походе раза два Соваж останавливался и пропускал мимо себя полк и, конечно, любовался им. Это был плод его неустанной семимесячной работы. Ни до, ни после в таком, поистине, блестящем состоянии полк не был. Потому что никогда, ни раньше, ни после, в боевой обстановке, мы так долго и так умно не учились. На привалах Соваж был оживлён и весел, говорил и шутил с солдатами и с офицерами. Наконец, часа в 4 стали подходить к деревне, где была назначена ночёвка.

Последний раз, ловко, по-кавалерийски, сидя на грузном Боярине, Соваж пропустил мимо себя полк и каждую роту поблагодарил за молодецкий вид. Последними прошли обозные, лихо вытянув руки с вожжами вперёд и молодецки задрал голову на начальство. И обозные получили ласковое слово.

В это время к Соважу подскакал ординарец и доложил ему, что ему готова изба и что командирские денщики всё ему приготовили для ночлега и даже достали и поставили самовар.

Соваж снял фуражку, отёр потный лоб, круто повернул тяжёлого Боярина и с места поднял его в галоп. Деревня стояла тут же на пригорке, немножко в стороне от шоссе, но Соваж устал много часов подряд ехать шагом, ему было жарко и хотелось пить. Он поскакал. И тут случилось то, после чего долго не могли придти в себя и те, кто это видел, и те, кто не видел. На войне смерть вещь обыкновенная и ею никого не удивишь. Но так, как умер Соваж, не умирал, наверное, ни один из многих миллионов воинов, которые четыре года дрались на всех многочисленных фронтах. Грузный Боярин шёл полным махом и на всем ходу споткнулся о широкий плоский камень в земле и упал на передние ноги. Будь Соваж плохим ездоком, он вылетел бы из седла и в худшем случае набил бы себе шишку. На его несчастье, он был отличный ездок. Он прирос к седлу и остался сидеть. От силы хода лошадь перекинулась кувырком и крупом разможила ему голову. Всё это случилось в одно мгновение и на глазах у половины полка. Со всех сторон к нему бросились люди. Прибежали наши доктора. Соважа подняли и внесли в ближайшую избу. Не приходя в себя, через полчаса он скончался. А через час о. Александр служил по нём панихиду. И когда поминали «новопреставленного воина Сергия», то с сухими глазами не было в полку ни одного человека».

Жена Сергея, Вера Георгиевна (1880 – после 1920), происходила из семьи Сазоновых. У супругов было две дочери: Мария Сергеевна (1902 – 1947), в замужестве Воропаева; Евлалия Сергеевна (1903 – 1971), в замужестве Дмитриева.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ